

тах» передает представление о метрополитене как узком, тесном месте. Метро выступает как некое особое пространство, неудобное («Покинув уют, по поверхности каменной голой, Толпою влеком, я плыву...»), с неопределенным временем года («В теснинах метро, где неясно, зима или лето»), вечной ночью («в электрической тусклой ночи»). Находящиеся здесь испытывают дискомфорт (озябшие руки и землистые лица музыкантов). Таким образом, метро снова оказывается подобным аду. Отметим, что именно через образ метро характеризует свое состояние герой другого стихотворения, оказавшийся в маленькой по сравнению с Россией стране; образ метро и здесь связывается с темой гибели: «А здесь все глухо, как под крышкой гроба <...> Здесь тягостно и душно, как в метро, И хочется повеситься порою».

Таким образом, реализации метафорических моделей в поэтических текстах А. М. Городницкого участвуют в создании многоаспектного образа города как феномена пространственно-временного, исторического, предметного и духовного, имеющего собственное бытие и вместе с тем неразрывно связанного с человеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городницкий А. М. Сочинения. М.: Локид, 2000. 671 с.
2. Купчик Е. В. Картина образного мира Александра Городницкого. Тюмень: Мандр и Ка, 2006. 252 с.
3. Топоров В. И. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 624 с.

Ольга
Викторовна
ТРОФИМОВА,

Наталья
Владимировна
КУЗНЕЦОВА,

Людмила
Ивановна
МИКРЮКОВА (перевод)

**Пьер Марийо¹: «ДЛЯ СЕМИОТИКА
ОЧЕНЬ ВАЖНО ПОНЯТЬ,
КАКИМ ОБРАЗОМ ТЕКСТ
ГОВОРIT САМ ПО СЕБЕ...»**

На вопросы лингвистов ТюмГУ о русско-французских языковых контактах, языковой политике и языковой дидактике отвечает французский семиотик П. Марийо.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

семиотика, государственный язык, языковая дидактика.

¹ Pierre Marillaud.

Осенью 2011 г. в перерыве пленарного заседания Международной конференции «Экология языка на перекрестке наук» мы спросили у Пьера Марийо, который раз он в Тюмени? «В седьмой», — перевела его ответ Л. И. Микрюкова, старший преподаватель кафедры французского языка ТюмГУ. И мы пригласили иностранного гостя и его постоянного переводчика на кафедру русского языка, где и состоялся разговор — о Тюмени, о русском и французском языках, о текстах и смыслах, о преходящих обстоятельствах и вечных ценностях.

Господин Пьер, Вы часто бываете в Тюменском университете: принимаете участие в конференциях, проводите семиотические ателье. Что именно Вас привлекает в Тюмени?

П. МАРИЙО: Долгое время у меня было два рода деятельности — я был преподавателем университета и инспектором национального образования. По долгу службы мне приходилось очень много путешествовать, и я привык к разъездам. Я люблю путешествовать. Иногда нам надоедает наша повседневная жизнь, мы как будто бы корочкой покрываемся, и от этого однообразия время от времени хочется куда-то уехать.

Почему я приезжаю в Тюмень? Тюмень — это ведь часть России. Я с детства многое знал о литературе, об истории России и мечтал приехать сюда. Что касается русского языка, то я его никогда не изучал, я изучал латинский, древнегреческий, немецкий. Но культура и литература России меня интересовали и завораживали с детства. Я всегда был убежден, что, какими бы ни были политические режимы во Франции и в России, отношения между нашими странами всегда были очень сильными. И теперь, когда я имею возможность приезжать в ваш университет, у меня такое ощущение, что я сам каким-то образом участвую в развитии отношений между Россией и Францией.

И вторая причина, почему я приезжаю в Тюменский университет, — это то, что мне здесь оказывают очень теплый, дружеский прием. Интеллектуальная среда очень благоприятная, и мне кажется, что в Тюменском университете преподаватели, сотрудники умеют работать.

Удастся ли Вам просто погулять по городу? Одному? Или в прогулках по Тюмени Вас всегда сопровождает переводчик? Может быть, на тюменских вывесках так много иностранных слов и так мало русского текста, что переводчик и не нужен? И как Вы общаетесь — в случае необходимости — с тюменцами?

П. МАРИЙО: Мне повезло: когда я выхожу в город, чаще всего меня сопровождает Людмила, которая за меня и говорит все, что нужно. Но бывает так, что я гуляю один, и тогда я прибегаю к помощи жестов. Я очень люблю гулять по улицам вашего города. Я очень люблю снег. И мне доставляют огромное удовольствие такого рода прогулки.

А мы, благодаря Вашему приглашению принять участие в XXXII Международном colloquium «Языки и значение», с удовольствием побродили

этим летом по узеньким улочкам Альби. Среди нас была прекрасно говорящая по-французски профессор Н. Ф. Швейбельман, но в ее отсутствие мы тоже пользовались языком улыбок и жестов. Правда, однажды русский язык «пригодился» — на старинном мосту через реку Тарн (напомнившую по созвучию нашу Туру) мы встретили будущих экскурсоводов из Москвы.

Русским языком как языком общения нам довелось воспользоваться только в парижской гостинице. Во всех остальных случаях надо было знать французский или английский... Что Вы могли бы сказать о положении русского языка во Франции?

П. МАРИЙО: Я хочу начать с того, что Франция сегодня, в плане языкового климата и отношения к языкам, развивается. Я представитель традиции. Я родился в 34-м году, а в те времена не очень-то культивировалось изучение языков. Французы предпочитали говорить на своем языке и не сильно стремились изучать иностранные. Но когда я учился в школе, русский язык играл важную роль в отборе лучших учеников.

Когда-то самыми престижными направлениями учебы в школе, колледже и далее были отделения латинского языка. Сначала изучали латинский, затем греческий, а потом один из живых, современных иностранных языков. Все лучшие ученики должны были изучать немецкий. Но со временем латинский утратил свои позиции, немецкий уступил свое место английскому, а русский язык сыграл очень важную роль при отборе в престижные колледжи. Потому что в престижных учебных заведениях первым иностранным языком преподавался редкий язык. Были и редкие преподаватели русского языка. Это учебные заведения такого уровня, как, например, лицей Анри IV.

Русский язык такой же сложный, как, допустим, латинский, немецкий, потому что в нем есть система склонений. Видимо, это один из критериев отбора самых сильных, самых лучших учеников.

И. И. Станков. ТЮМЕНЬ. ВИД НА РЕКУ ТУРУ. 2008

Слог и языка города

А что Вы думаете о положении французского языка в России?

П. МАРИЙО: К сожалению, я не владею точными данными о позициях французского языка в России, но могу сказать, что история литературы — русской и французской — свидетельствует о том, насколько тесным было взаимодействие между нашими языками и между нашими странами. Когда речь идет о литературе, невозможно не вспомнить А. С. Пушкина, благодаря которому установилась практически священная связь между Россией и Францией, между русским и французским языками, между русской и французской литературой.

Это два великих народа, которые создали самые, как я считаю, великие романы в мире. Одним из таких великих романов является «Война и мир» Толстого. Он свидетельствует о том, что между нашими странами очень давние исторические связи.

Сегодня мне бы хотелось, чтобы правительство Франции прилагало больше усилий для распространения французского языка за рубежом и, в частности, в России, но я боюсь, что по причине кризиса, который охватил все страны, бюджет, как всегда, на такие цели будет очень урезан.

Однажды мне выпало счастье переводить дневник польской революционерки Эвы Фелиньской, которая была в ссылке в Березово в 1839 г. Она рассказывала о своей жизни как о романе. И в этом романе был сюжет о том, как в Березово «проездом» оказался француз, тоже ссыльный. И полька Эва Фелиньска проговорила с ним на французском языке целые сутки, а в дневнике остались строчки: это было огромное интеллектуальное наслаждение и проблеск счастья в моей березовской жизни. В Сибири французский язык предстал как посредник между поляками, французами и русскими. Жизнь как роман...

П. МАРИЙО: Действительно, у нас великая культура. Между нашими странами и большие связи: Толстой в своем романе на русском языке делает очень много вкраплений на французском; Пушкин одинаково хорошо писал как на русском, так и на французском; Мериме, не в пример мне, в очень «продвинутом» возрасте взял и выучил русский язык. И я собираюсь в ближайшее время все-таки заняться изучением одного из великих произведений русской литературы — «Пиковая дама».

Заслуживает уважения и то, что государственный французский язык прочно держит свои позиции. Русский же язык как государственный, можно сказать, еще только определяет свое пространство (закон об этой функции русского литературного языка вышел в 2005 г.) — по крайней мере, в сознании носителей русского языка. Какие советы Вы могли бы дать представителям власти, филологам и «обычным» россиянам — как отстаивать (и стоит ли это делать? И можно ли это в принципе делать?) интересы русского языка?

П. МАРИЙО: Ответ начну с того, что у нас во Франции французский язык завоевывал свои позиции в то время, когда формировалось централизованное государство. Еще в 1000-м г. Франции как таковой, как единого государства, не было. Люди говорили на разных диалектах. И сегодня во Франции есть разные говоры, диалекты, языки. Население Франции говорит и на провансальском языке, на баскском, на бретонском, на эльзасском, на итальянском языке — в районе Альп. Каждый из этих регионов в свое время стремился отстоять свою независимость — язык являлся символом независимости.

Централизованная власть, в частности во времена правления Франсуа I, во времена правления Ришелье, оказалась настолько сильна, что поняла: один язык — это то средство, которое позволит создать единое государство, которым будет проще централизованно управлять. И поэтому начала всячески способствовать продвижению французского языка.

Нужно сказать, что французский язык проявляется в двух ипостасях. Это литературный французский язык — язык, на котором писали поэты и писатели, и административный язык. Вместе, объединившись, они и представляют собой современный французский язык в том виде, в каком мы его знаем. Этому слиянию, сплочению, формированию современного единого государственного французского языка очень способствовало создание Французской академии. Не знаю, есть ли у вас аналогичная структура... Французская академия, с одной стороны, выдает награды лучшим писателям Франции, а с другой стороны — она занимается защитой государственного языка. Есть ли в России такая же проблема, я не знаю, но во Франции она стоит остро. Правда, Франция маленькое государство, по сравнению с Россией проблему было решить проще. И несмотря на то, что территориально Франция меньше, понадобилось около восьми или девяти веков для того, чтобы сформировался единый французский национальный язык, к XVIII столетию.

Благодаря чему еще этот процесс шел успешно? Во времена строительства республик — а их во Франции было пять — государство проводило очень большую работу. В каждой коммуне оно открыло государственную школу. Эти школы отстаивали позиции французского языка. Ученики обязательно должны были использовать только французский язык, и любой ученик, который использовал слова из своего родного языка или диалекта, был очень строго наказуем.

Позвольте два уточнения? Скажите, пожалуйста, на каком диалекте должен говорить сегодня президент Франции, чтобы быть понятным для всех жителей Франции? Если в его речи проскользнули какие-то диалектные словечки, то это уже нарушение нормы?

П. МАРИЙО: Французский язык существует в двух формах — в виде административного и литературного языка. Это разные формы, но, с другой стороны, — это один и тот же язык. На каком языке должны говорить представители власти? Все общественные выступления, политические,

культурные — должны осуществляться только на французском стандартном нормативном языке.

Артисты, художники, поэты сыграли, наверное, связующую роль между тем вариантом языка, который в какой-то момент был создан, и между другими вариантами языка, потому что они привнесли свои новации. В свое время, когда Ришелье создал Французскую академию, он тем самым сделал очень хорошее дело для Франции, потому что позволил разным людям приобщиться к литературе, к искусству, к профессии писателя. Благодаря созданию этой академии у писателя появился новый статус — престижный статус, потому что в члены академии принимали только самых достойных писателей.

В свое время во Франции были писатели, которые не владели стандартным французским языком. Со временем сложилась такая ситуация, что все французы, с одной стороны, стремились к тому, чтобы способствовать развитию французского языка, а с другой стороны — каждый француз должен был — и должен по сей день — соблюдать правила орфографии и грамматики французского языка, то есть язык должен оставаться и стабильным, фиксированным, согласно нормам Французской академии. Но, с другой стороны, — языку нужно давать возможность развиваться!

Что касается французского языка администрации, управления, то он должен использоваться чиновниками для того, чтобы решать различные вопросы, но это тот же самый стандартный — получается, опять же, — французский язык, на котором говорят и все остальные французы. Для всех нас, французов, французский язык — это единый язык. Правда, иногда он включает в себя в большей степени какие-то административные слова, из сферы управления. Или же, в другой ситуации, в случае с художественным произведением, он, этот же французский язык, несет отпечаток индивидуального письма автора. Но в принципе это единый французский язык.

Спасибо. Но хотелось бы уточнить: дело в том, что сегодня во власть в России приходит много людей, не знающих нормы литературного языка. Поэтому иногда с высокой трибуны мы можем слышать явные речевые, грамматические ошибки, которые насаждаются и, к сожалению, уже воспринимаются как норма. Тем самым разрушаются основы государственного языка. Есть ли эта проблема во Франции? И как бы вы рекомендовали нам поступать?

П. МАРИЙО: Мне сложно ответить на этот вопрос. Это деликатная тема...

До настоящего момента все наши президенты, представители политической, административной власти говорили на очень хорошем, иногда даже великолепном французском языке. На очень высоком уровне владели французским языком Франсуа Миттеран, Жискара д'Эстен, Жорж Помпиду. Дело в том, что у нас идет отбор будущих руководителей. Он начинается в университете...

Спасибо огромное, но надо ли учить сегодняшних чиновников соблюдению норм литературного языка? Не президентов, а маленьких начальников?

П. МАРИЙО: Я не думаю, что те изменения, которые вы хотите получить, могут осуществиться по приказу. Напротив. Если в ваших учебных программах, начиная с самых первых классов, достойное место будет занимать литература, — это основное, фундаментальное требование. Потому что личность человека формируется не только под воздействием обстоятельств его жизни, но и под воздействием литературных героев, о которых мы читаем в книгах. Поль Рикёр говорит в таком случае о нарративной идентичности. Считаю, что культурный аспект русского языка должен сохраняться на всех этапах обучения, начиная с младших классов и заканчивая старшими. Этим должны заниматься преподаватели. Если вы сумеете включить этот культурный компонент в школьные программы и сохранять его на всех этапах, то из ваших учебных заведений будут выходить люди, которые знают норму русского литературного языка, и эти люди пойдут работать в разные области, в том числе и в администрацию.

Значит, взрослых «дяденек и тетенок» учить бесполезно?

П. МАРИЙО: Это очень деликатная проблема. Сами понимаете, сказать человеку, занимающему важный пост: «Ваш русский язык не очень-то хорош, вы делаете ошибки» — очень сложно. Нужно попытаться спрятать эту интенцию и каким-то другим путем дать ему понять, что он должен исправить ситуацию.

Можно начать с того, чтобы подчеркнуть их значимость. Потому что им приятно, когда им говорят, что они выполняют очень важную работу, занимают очень важный пост. Вы можете им сказать: «Вы на вашем посту имеете очень большое влияние, поэтому вы должны и сами постоянно совершенствоваться, и давать другим возможность увидеть хороший образец русского языка, способствовать распространению нашей русской культуры». И это касается не только области управления, но и всех областей: области политики, военных отношений. Распространять нашу культуру нужно независимо от того, где человек работает. Он распространяет ее практически на всех постах.

Семиотика — то, чем Вы занимаетесь профессионально, — наука о знаках и их значениях, истинных и мнимых... Людям не всегда удается распознать языковые манипуляции и обман, без которых, к сожалению, нет ни обыденной жизни, ни политики, да и научные дискуссии порой не свободны от демагогических концепций. Благодаря Вашему умению прочитывать истинные значения знаков и отличать их от ложных Вас невозможно обмануть?

П. МАРИЙО: Да, я семиотик. Но, как и все люди, я тоже ошибаюсь. Иногда не сразу, только по прошествии какого-то времени понимаю это. А иногда я ошибаюсь и еще не отдаю себе в этом отчета.

Если мы сейчас вспомним Гераклита, который был предшественником Сократа, то он говорил о Дельфийском оракуле: он ничего не говорит, он ничего не прячет — он означает. И эту фразу можно применить ко всем текстам. Для семиотика очень важно понять, каким образом текст говорит сам по себе то, что он говорит, то, что он передает. При всем при том семиотика — это же не волшебная наука. И необязательно быть семиотиком для того, чтобы понять текст. Но семиотика позволяет нам выделить такие моменты, о которых уже сегодня говорили, — например, манипуляцию. Семиотика позволяет лучше понять механизмы функционирования языков — не только на уровне отдельных фраз, но и на уровне текстов. Отсюда появляется понятие текстовой грамматики, на котором настаивал Греймас.

Почему я заинтересовался семиотикой и почему я в какой-то момент решил защитить докторскую диссертацию? Я понял, что семиотика дает нам орудие для того, чтобы легче понять текст, проинтерпретировать его. Будучи инспектором, я посещал много занятий школьных учителей, преподавателей колледжей, лицеев. Я наблюдал за тем, как они объясняют текст, как они работают с текстом, и понял, что при помощи семиотики они получают дополнительное орудие, позволяющее с большей легкостью, ясностью научить учеников понимать, читать, интерпретировать тексты. При помощи лексических полей, при помощи изотопий, нарративных программ они выявляли в тексте структуры, которые способствовали наилучшему пониманию этих текстов.

Значит, знание семиотики позволяет Вам легче жить? Или, наоборот, Вы понимаете так много смыслов, что Вам жить тяжелее?

П. МАРИЙО: Никогда нельзя сказать, что слишком много знаешь. Я по природе своей не оптимист. Думаю, что жить, по большому счету, трудно. Чем человек отличается от животного? Тем, что у него есть язык, человеческий язык. Животные не умеют, скажем, рисовать, а человек может заниматься творчеством. И как только языки появились, сформировались, тут же в них появились противоречия, которые являются базой для развития мысли.

И еще мне бы хотелось сказать, что человек никогда не один. Человек внутри разделяется на две личности. Именно это позволяет ему время от времени вести диалог с самим собой, абстрагироваться от каких-то фактов и посмотреть на себя со стороны, дать оценку того, что произошло в жизни.

Я считаю, что дружба и любовь — это то, что меня радует в жизни, что мне помогает жить. В этом плане, наверно, семиотика играет позитивную роль. С другой стороны, что лично мне еще облегчает жизнь, — так это мои любимые занятия, мои хобби. Это живопись, музыка, литература. Даже если в какой-то момент, допустим, музыка может вызвать слезы, — то в любом случае она мне доставляет огромное удовольствие и делает мою жизнь более приятной, более красивой.